

ОБРАЗ ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ РЕНЕ ГЕНОНА¹

Мы не хотим повторять снова все то, что мы уже говорили о продукции ориенталистов: с одной стороны, они путают западных людей, которые не в состоянии очистить ее от ошибок, а с другой стороны, выставляя напоказ свое непонимание, дают восточным людям самое досадное представление о западной интеллектуальности.

Р. Генон, «Восток и Запад»

I

В культуре Запада в течение последних столетий – со времен романтизма, если не раньше – закрепился и растиражировался стандартный образ Востока как совокупности особенных культур (прежде всего четырех – мусульманской, индийской, китайской и японской), отличающихся от Запада своей сугубой созерцательностью. Восток-де обращен в прошлое, он не интересуется будущим, его даже мало заботит настоящее. Люди Востока якобы сентиментальны, пассивны, инертны; это некие мистики-фаталисты, далекие от рационального, *подлинного* (= западного) взгляда на вещи. Они предпочитают скорее плыть по течению жизни, чем изменять мир вокруг себя. В то же время жители Запада – эффективные, бодрые и умные деятели, сами куящие свою судьбу и с оптимизмом глядящие в будущее. В сущности, этот европоцентристский миф в тех или иных своих вариациях не выветрился до сих пор, и он часто подвергается обоснованной критике.

Различные системы мысли, развивавшиеся на Западе, создавали свои «образы Востока», которые, несмотря на все их различия, соединялись в едином западном «метаобразе» Востока. К числу наиболее активных разработчиков образа Востока в XX в. относится движение традиционализма, в частности, его основоположник, выдающийся французский мыслитель Рене Генон (1886–1951). Созданный его творческим воображением «Восток», органично войдя в традиционалистскую «картину мира», не был ни продуктом востоковедения (что уже видно по высказыванию, помещенному в эпиграф), ни порождением массового сознания или мистико-теософских кругов; но в то же время не был он и результатом саморефлексии восточных культур.

К Востоку Генон обращался охотно и часто, в самых разных своих трудах – таких как, например, «Общее введение в исследование индуистских учений» («Introduction générale à l'étude des doctrines hindoues», 1921), «Восток и Запад» («Orient et Occident», 1924), «Человек и его осуществление согласно веданте» («L'homme et son devenir selon le Védânta», 1925), «Восточная метафизика» («La métaphysique orientale», 1939) и др. Хотя

---

¹ Текст опубликован в сборнике: «Седьмая международная востоковедная конференция (Торчиновские чтения): Метаморфозы. С-Петербург, 22-25 июня. Часть вторая» (Сост. и отв. ред. С. В. Пахомов. СПб., 2013. С. 228–238).

интерес к восточной теме не оставлял Генона всю жизнь, заметно, что в основном он разрабатывал ее в ранних своих произведениях, в которых одновременно выковывались и его важнейшие представления о традиции. Пожалуй, образ Востока наиболее выпукло представлен в книге «Восток и Запад», которая посвящена сопоставлению (по различным основаниям) двух этих антиподов. Наш анализ будет основываться прежде всего на этом произведении.

II

После Первой мировой войны Запад становится объектом повсеместной критики; ругать Запад во всех мыслимых и немыслимых грехах входит в моду в кругах западных интеллектуалов, однако даже на фоне недовольных «антизападников» голос Рене Генона звучит очень мощно. Пожалуй, сложно назвать более яркого и сурового обличителя современных западных институций. При этом резкая критика Запада в его трудах сочетается с непритворным восхищением восточными учениями. Рене Генон не может (да и не хочет) освободиться от сложившейся задолго до него «противопоставленческого» способа понимания Востока. Широко применяя дихотомический метод, Генон находит все новые и новые критерии для размежевания двух миров. Он с готовностью пользуется известным высказыванием Киплинга о различии Запада и Востока, оставляя без внимания конец фразы о том, что «... нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род // Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?» [Киплинг 2000]. Генону выгодно такое противопоставление, потому что так удобнее находить различия между ними. Более того, он в еще большей степени, чем в романтической или просветительской культуре, заостряет оппозицию «Восток – Запад».

Существеннейшее отличие концепции Генона от европоцентристских взглядов состоит в ее востокоцентричности: у Генона мудрый Восток возвышается неимоверным исполином над жалким и недалеким карликом-Западом. Чтобы лучше проиллюстрировать подобную позицию, автор прибегает к неожиданному (для большинства писавших о Востоке) ходу. Генон полагает, что Восток, а вовсе не Запад, представляет собой воплощение интеллектуальности, в то время как Запад – образец сентиментальности². При этом какая-то рациональная деятельность на Западе все же существует, но никак не интеллект! Восток интеллектуален прежде всего потому, что сохраняет связь с *примордиальной традицией*, является ее непосредственным наследником. Эта связь выражается, среди прочего, в том,

---

² Развивая данную тему, переводчик Генона В. Быстров писал: «Называя европейскую цивилизацию делом Разума, на самом деле пытаются скрыть интеллектуальную нищету и убожество европейца, у которого, наоборот, сентиментальность развита настолько, насколько это вообще возможно, а о подлинной интеллектуальной культуре в Европе давно уже никто не имеет даже самого отдаленного представления» [Быстров 2000: 10].

что на Востоке по-прежнему сохраняются какие-то исконные духовные центры, хотя доступ к ним становится все сложнее и сложнее.

Современный же Запад, давно утратив связь с традицией³, лишен интеллектуальных оснований, поэтому его потуги на интеллектуальную деятельность тщетны. Западные «интеллектуальные игры» мало интересны Востоку: «То, чем интеллектуально довольствуется Запад, не дает Востоку даже самого ничтожного интеллектуального удовлетворения [Guénon 1987: 125]. Генон воспринимает интеллектуальность не столько как сухую логику, рационализм, сколько как аналог «метафизики». Французский мыслитель очень ценит метафизику, полагая, что именно через нее происходит непосредственный контакт с абсолютными силами традиции. Эта метафизичность (эзотеричность) Востока является более глубоким уровнем, чем религиозность; более того, религиозность Генон склонен вообще относить к западным «изобретениям» [Ibid.: 132]. В религии есть нечто сентиментальное, а поскольку сентиментальность – это удел Запада, то всякая религиозность на Востоке является следствием экспансии Запада; это ненужный экзотерический уровень, прикрывающий эзотерические глубины.

Итак, в то время как Восток остается хранителем традиции, современный Запад ее утратил, а значит, растерял и метафизику [Генон 2004: 248]. Между Западом и Востоком – пропасть, но эта пропасть, которая с годами только возрастает⁴, пролегла отнюдь не по вине Востока. Противостояние Востока и Запада было инициировано самим Западом и является достоянием современности: «... есть явная оппозиция между Востоком и Западом, по крайней мере, при современном положении вещей: существует расхождение, но не надо забывать, что это расхождение является односторонним и не симметричным <...> одна только западная цивилизация, следуя в направлении, которое она приняла в последние столетия, до такой степени отдалилась от восточных цивилизаций, что, кажется, между ними уже нет никакого общего элемента, никакой общей черты для сравнения, никакой общей территории для взаимопонимания и согласия» [Guénon 1987: 76].

Таким образом, не Восток, но Запад повинен в столь разительном противостоянии; между тем в далекие времена, когда нетрадиционные общества отсутствовали в принципе, такого противостояния не было. И только после появления западного антитрадиционного духа появились и расхождения. То, что есть на Западе сейчас, уверен мыслитель, является плодом длительного развития, постепенного отхода от магистральной линии традиции. Современный Запад сам виноват в собственных бедствиях: они вызваны его настойчивым отворачиванием от своих истоков в угоду материализму, отбрасыванием ценнейшего опыта, полученного в

---

³ «Что касается цивилизации Запада, то она, наоборот, утратила свою связь с традицией» [Генон 2000: 21].

⁴ «Очевидно, что расхождение с Востоком не может не возрастать» [Guénon 1987: 145].

коммуникациях с Востоком и бережно сохранявшегося прежними поколениями традиционных западных людей. Генон мрачно пророчит гибель Западу «по причине такого избыточного материального развития, если он вовремя не опомнится и не задумается о “возвращении к истокам”» [Генон 2004: 249].

Меж тем всем лучшим в себе Запад обязан Востоку. Испокон веков лучшие представители западных регионов отправлялись «на поклон» в восточные страны, учились там и приходили обратно, удобряя западную «почву» семенами глубокой восточной мудрости... Восток всегда выступал как учитель Запада, а вот Запад далеко не всегда выказывал прилежание в этом «учебном» процессе. Вся история Запада демонстрирует, что он то и дело забывал полученные уроки или плохо их применял; показывает его нерадивым, рассеянным и бестолковым учеником, которому постоянно приходилось заново учиться у Востока. В настоящее время этот скверный «ученик» вообще отказался от знаков почитания по отношению к своему духовному «отцу», посчитав, вероятно, что учиться уже нечему. Однако верно обратное: это Востоку нечему учиться у Запада [Guénon 1987: 123].

Восток с презрением относится к Западу, считая его жизнедеятельность какой-то мышью возней. Запад постоянно что-то *делает*, действие – его смысл, его крест; Восток же действию предпочитает *знание* [Ibid.: 130]. В отличие от Запада, который весь направлен на внешнее, позабыв о своей внутренней («восточной») сути, Восток пребывает в своем изначальном внутреннем содержании. Запад, подстегиваемый постоянным желанием что-либо делать, проводит активную экспансию на Восток: очевидно, что ему не хватает себя самого. Восток же величаво покоится в себе, ему некуда спешить. Вечная подвижность, изменчивость возведены на Западе в абсолют, и поэтому западным людям кажется, что противоположная позиция является ошибочной; в стабильности они видят застой, тогда как на самом деле это лишь выражение спокойной, уверенной в себе силы, которая не меняется по той простой причине, что не нуждается в этом: «Восток не считает, будто сегодня у него есть причины для перемен – точно так же, как и в ходе прошедших столетий» [Ibid.: 122]. Поскольку традиция укоренена в вечности, не предполагающей каких-либо изменений, не имеет смысла стремиться к ним и в актуальной действительности, полагает мыслитель. Поэтому Восток отрицает бессмысленные преобразования и прогресс: «То, что западные люди называют прогрессом, для восточных людей является лишь изменением и нестабильностью; потребность в изменении, столь характерная для современной эпохи, в их глазах есть признак проявления низменности» [Ibid.: 38].

Восток никогда не занимался покорением других стран, не посылал миссионеров, не устраивал идеологическую обработку инакомыслящих, он толерантен и при этом абсолютно самодостаточен: «... нет ничего более противного их (восточных людей – С. П.) природе, чем пропаганда: забота об этом оставляет их полностью равнодушными. Не проповедуя “свободу”, они позволяют другим думать то, что те хотят; и даже то, что о них самих

подумают, им совершенно безразлично. Они просят, в сущности, только чтобы их оставили в покое; но именно в этом им отказывают западные люди, которые пришли к ним домой» [Ibid.: 39].

Западный и восточный типы познания также не сходятся друг с другом. По мнению Генона, восточные люди в своих рассуждениях исходят из принципа высшего порядка, который давно утрачен на Западе. Именно этот принцип делает существенным понятие *цивилизации*, которое уместно употреблять по отношению именно к Востоку, а не к Западу. Запад – это не цивилизация, а «... варварство, потому что здесь отсутствует нечто существенное – принцип высшего порядка [Ibid.: 37]».

В то время как Запад тяготеет к анализу, раздроблению целостности, Восток предпочитает «синтез и концентрацию». Восток не воспринимает всерьез западное научное знание, считая, что «западная наука – это незнающее знание [Ibid.: 45]. Восток считает такое знание поверхностным, пустым, наивным и грубым; оно не требует особого труда для своего овладения и именно поэтому особой ценности не имеет [Ibid.: 60]. Восток, привыкший к тонкому и глубокому познавательному процессу, в настоящее время безразличен к тому, что происходит на Западе в интеллектуальной сфере [Ibid.: 178].

Западные изобретения и технологии, направленные на удовлетворение материальных потребностей, оставляют восточных людей, восприимчивых к духовным сторонам бытия, глубоко равнодушными. «Например, единственное впечатление, которое механические изобретения производят на большинство восточных людей, это впечатление глубокого отвращения; все это наверняка кажется им скорее осложняющим жизнь, чем полезным, и если они вынуждены принимать какие-то современные “необходимые” вещи, то лишь с надеждой избавиться от них не сегодня, так завтра; это им не интересно и, в сущности, никогда не будет их интересовать» [Ibid.: 38].

По сей день Восток сохраняет огромный потенциал. Его ресурсы мудрости поистине неисчерпаемы. Поэтому Запад должен продолжать стремиться к Востоку, который способен научить жителей Запада правильному образу жизни и мысли. Однако такое стремление должно осуществляться грамотно, на основе понимания того, что все прежние попытки сближения Востока и Запада предпринимались с учетом интересов прежде всего Запада, и потому были обречены на провал. Между тем «восточные люди нисколько не стремятся ассимилировать Запад; напротив, они предпочтут помочь его развитию в согласии с принципами, если увидят хоть малую возможность этого» [Ibid.: 201]. В силу существующих обстоятельств лишь очень немногие обитатели Запада способны к усвоению глубочайших знаний Востока, и поэтому эти немногие, получив традиционное образование на Востоке, должны составить ту элиту, которая постепенно будет менять сложившуюся удушливую обстановку жесткого материализма на атмосферу духовных, традиционных принципов, по которым живет весь Восток. Очень вероятно, что к этой элите Генон относил и самого себя.

III

Мы видим, что Генон предлагает достаточно идеализированный и при этом очень схематичный, обобщенный образ Востока, идеологически ангажированный, лишенный национальных и исторических черт. Этот образ всегда дается в сопоставлении с не менее схематичным образом Запада и вне его не существует. Чем больше и беспощаднее критикуется Запад, тем категоричнее превозносится Восток. Оба они – два антипода, которые разительно подчеркивают свои сущностные черты друг через друга. Глядясь в зеркало Востока, Запад предстает нахальным и глупым юнцом, тогда как Восток в отражении Запада выглядит умудренным и степенным старцем.

Однако показанная Геноном монолитность Востока предстает таковой только по контрасту с расщепленным, нетрадиционным Западом; фундамент этой монолитности – индийская «метафизика», под которой мыслитель понимает (причем весьма творчески) адвайта-веданту. На самом деле эта монолитность оказывается не столь очевидной, когда автор вдается в частности и анализирует конкретные страны и культуры Востока. И тогда оказывается, что на Востоке далеко не все гармонично и хорошо. Например, на Востоке существует такая традиция, как буддизм, который, по мнению нашего автора, «представляет для Востока отклонение и аномалию» [Генон 2012: 53]; на Востоке располагается Япония, которая с жаром стала принимать вестернизацию и прогресс, что Генону, конечно, совсем не нравится, и поэтому он склонен считать Японию «коллективным исключением» из Востока [Guénon 1987: 108]; на Востоке живет немало восточных по происхождению людей, которые с восторгом принимают ненавистные Генону западные материальные технологии и ценности. Наконец, Генон если не с суровым осуждением, то с легкой укоризной отмечает факт «внедрения» религиозности в некоторые восточные традиции. Например, в такую традицию, как ислам, вошло много религиозных элементов, что на взгляд мусульманина же Генона, свидетельствует о влиянии на мусульман западной «сентиментальности» и даже о том, что «ислам отчасти принадлежит Западу» [Ibid.: 204].

Таким образом, Восток оказывается слоистым и многозначным, неравноценным внутри себя самого: некоторые восточные регионы, учения, персоны оказываются «менее» или «более» восточными относительно друг друга – не в географическом, а в «метафизическом» смысле слова. Безусловный приоритет в имплицитной восточной иерархии автор отдает Индии как цивилизации, наиболее приближенной к метафизике: «В Индии мы имеем перед собой традицию, которая является чисто метафизической по своей сущности» [Генон 2000: 22]. Ведантизированная Индия помещается в самое сердце Востока: она является эталонным Востоком, соразмеряясь с которым, располагаются на иерархической восточной лестнице иные восточные области и цивилизации. При этом автор сознательно закрывает глаза на несомненные различия, существовавшие в *реальной* Индии между

разными учениями и традициями, и исходит из точки зрения, предложенной Шанкаррой, которую он изрядно универсализирует.

Почетное второе место в этой восточной иерархии занимает Китай, в котором автора интересует прежде всего даосизм, отождествляемый им с ведантизированным индуизмом [Генон 2004: 228]; третья строчка отведена мусульманскому миру. Остальной Восток, если не считать спорадических (чаще всего отрицательных) упоминаний Японии, Генона не интересует, а значит, что в определенном смысле он для него и не существует.

IV

Геноновский «Восток» органично связан с его общей доктриной примордиальной традиции и вне ее немислим; этот образ является логичным выражением его традиционалистского мировоззрения. Исходя из этого мировоззрения, Восток играет роль последнего крупного оплота традиционного порядка, роль крепости, осаждаемой антитрадиционными силами, которые ведут против него бесконечную борьбу с определенными шансами на успех. После первого выхода книги «Восток и Запад» и до смерти мыслителя прошла четверть века, и Генон не мог не видеть с горечью, как с каждым годом возрастает давление Запада на Восток, как вестернизуемый Восток постепенно сдает свои позиции. Разумеется, эта плачевная ситуация не могла поколебать устои французского мыслителя⁵, хотя его энтузиазм по отношению к духовному потенциалу Востока, разумеется, несколько поубавился.

Бессмысленно искать в созданном Геноном образе Востоке (по-своему очень симпатичном) черты научной достоверности. Генон ненавидел современную ему ориенталистику, чему имелись и личные причины. Еще на заре своей творческой карьеры Генон обратился к выдающемуся французскому индологу Сильвену Леви (1863–1935) с просьбой о защите своей диссертации «Общее введение в исследование индуистских учений»⁶, но вместо радостного приема получил жесточайшую отповедь. Леви осудил будущего идеолога традиционализма за неисторичность, заикленность на адвайта-веданте и веру в мистическую передачу некоей абсолютной истины [Сэдживик 2010]. Осуждение корифея индологии только подстегнуло несостоявшегося диссертанта: в дальнейшем все эти установки Генона только укреплялись.

---

⁵ Для объяснения современной ситуации Генон достаточно часто прибегает к фаталистическому учению о «темном времени» (*кали-юга*), затрагивающему и Запад, и Восток, полагая, что впереди нас не ждет ничего хорошего. Применительно к этой апокалиптической точке зрения постоянное бичевание современного Запада выглядит как минимум нелогичным: если во всем «виноваты» безличные, никому не подчиняющиеся космические циклы, а настоящее время – это эпоха *закономерной* деградации и упадка, охватывающая все мироздание, то причем тут Запад?

⁶ Тем не менее этот текст, одобренный известным неотомистским мыслителем Жаком Маритеном, он все же издал – в 1921 г.

Выше было сказано о востокцентричной позиции Генона. Но, как ни парадоксально, геноновское отношение к Востоку пересекается с европоцентристским аналогом, несмотря на всю декларируемую им ненависть к современной Европе. Сходство, в частности, состоит в том, что и Генон, и «европоцентристы», во-первых, воспринимают Восток скорее в целокупности, чем в конкретных различиях, и, во-вторых, представляют Восток в оппозиции к Западу. Несмотря на яростную критику европоцентризма и всей современной западной цивилизации, несмотря на ненаучность своих интеллектуальных построений, Рене Генон был абсолютным европейцем по всему складу своей мысли. Его чисто европейское по своей сути стремление точно очертить границы восточного мышления и «метафизики» резко контрастирует с отсутствием подобных практик среди представителей самих восточных цивилизаций. Он «европоцентричен» в том смысле, что сами структуры его мышления сформированы европейской культурой, и за пределы этих структур он не был в состоянии выбраться. Со всей своей симпатией к Востоку и особенно к Индии, принятием суфийского тариката, женитьбой на женщине из древнего мусульманского рода, восходившего к дочери Пророка, проживанием в Каире, Генон не вполне освободился от своих чисто западных дихотомических установок, которые действовали на него, возможно, помимо его воли. Его мышление – это мышление образованного западного интеллектуала, критикующего мир, в котором он сам и живет; критическая позиция человека по отношению к собственному миру, своему окружению, да и к самому себе весьма характерна для людей Запада. Далее, Генон не только не избавился от стереотипного образа Востока, воспетого романтиками, но в еще большей степени углубил этот стереотип, в чарующую ловушку которого попало немало поклонников традиционализма. Да и писал он свои работы по-французски, ориентируя их на французского читателя, и, шире, на европейца, а отнюдь не на индийца или араба, и публиковал их на Западе же. Отвергнув Запад с внешней стороны, Генон не сумел избавиться от Запада в своей душе; по большому счету, он так и не смог стать окончательно «своим» на Востоке, балансируя на границе двух миров, как и все движение традиционализма.

ЛИТЕРАТУРА

Быстров 2000 – *Быстров В. Ю.* Метафизика «Золотого века» // *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике / Пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб.: Азбука, 2000. С. 5–16.

Генон 2000 – *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике / Пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб.: Азбука, 2000.

Генон 2004 – *Генон Р.* Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика / Пер. с франц. Н. Тирос. М.: Беловодье, 2002.

Генон 2012 – *Генон Р.* Теософизм: история одной псевдорелигии. Часть первая / Пер. с франц. А. Игнатьева. Калининград, 2012.

Киплинг 2000 – *Киплинг Дж. Р.* Баллада о Востоке и Западе // *Киплинг Дж. Р.* Утренняя песнь в джунглях: Стихотворения. М., 2000 // [URL]: <http://www.ecolife.ru/jornal/liter/2002-4-1.shtml>.

Сэджвик 2010 – *Сэджвик М.* Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века // *Неприкосновенный запас.* 2010. №1 (69) // [URL]: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/se6-pr.html>.

Guénon 1987 – *Guénon R.* Orient et Occident. Paris, 1987.